

Chr. Kampmann. EUROPA UND DAS REICH IM DREIßIGJÄHRIGEN KRIEG. GESCHICHTE EINES EUROPÄISCHEN KONFLIKTS. STUTTGART, 2008, 226 S.

К. Кампманн. ЕВРОПА И ИМПЕРИЯ В ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ. ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНФЛИКТА. Штутгарт, 2008, 226 с.

В книге профессора Марбургского университета (ФРГ) К. Кампманна² Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. рассматривается в первую очередь как крупнейший международный конфликт, в котором переплелись как политические и религиозные конфликты внутри Священной Римской империи, так и международные противоречия в Европе первой половины XVII в. Объективно книга Кампманна показывает несостоятельность тенденции ряда историков рассматривать Тридцатилетнюю войну прежде всего как “немецкую войну”, отделив ее от европейских международных отношений и процессов общеевропейского характера. Эта тенденция особенно сильно проявилась в историографии XIX – первой половины XX вв. и сохраняется до сегодняшнего дня, акцентируется внимание на крупнейшей катастрофе германской истории Нового времени и трактуя ее и Вестфальский мир 1648 г. как национальную трагедию Германии. Между тем уже многие современные немецкие историки признали положительное значение Вестфальского мира, что нашло отражение в многочисленных конференциях и изданиях, посвященных 350-летию юбилею этого мира.

С самого начала автор подчеркивает, что историю войны 1618–1648 гг. следует описывать как европейский кризис, события которого происходили на территории империи, который был сначала связан с военными действиями в империи, а во второй половине войны стал окончательно “европейской войной” в Германии”. Европеизация внутриимперских конфликтов проявилась уже с вмешательства Испании на стороне Габсбургов во время столкновения между богемским (чешским) сеймом и имперскими властями, начавшегося с майских событий 1618 г. в Праге. Тот факт, что Франция во время Тридцатилетней войны формально не объявляла войны императору, отмечает Кампманн, не должен вводить в заблуждение, так как фактически Франция вела войну против Габсбургов. Война, пишет он,

имела транснациональную перспективу и понятной становится только при точном анализе взаимовлияния и взаимодействия европейских политических процессов (с. V, 1–6).

Европейский кризис назревал на рубеже XVI–XVII вв., оказавшись тесно связанным с обострением конфессиональных и политических конфликтов в Священной Римской империи и на ее границах, прежде всего затянувшимся испано-нидерландским конфликтом, который, несмотря на двенадцатилетнее перемирие 1609–1621 гг., грозил перерасти в новую войну. Окончание религиозных войн 1562–1594 гг. во Франции и энергичная внешняя политика Генриха IV показали, что Франция вернулась в качестве активного игрока на европейскую арену и вновь выступила против Испании, чему не смогли помешать даже убийство этого короля в 1610 г. и более чем десятилетний период внутренней смуты, завершившийся к концу 20-х годов XVII в. Вторым европейским фактором, ведшим к обострению международных отношений, был подъем в начале XVII в. Швеции, приведший к изменению соотношения сил в Балтийском регионе. Третьим важным фактором европейской политики этого времени, замечает Кампманн, была османская угроза на юго-востоке Европы, ослабление которой после “долгой войны” 1593–1612 гг. способствовало усилению стремления Габсбургов сосредоточить силы на борьбе с оппозицией в империи и в родовых владениях династии. Но обострившийся конфессиональный конфликт, который невозможно было решить с помощью основных имперских законов, привел к углублению имперского кризиса и поляризации религиозной конфронтации, ставшей наиболее ярким проявлением эпохи Конфессионализации в европейской истории раннего Нового времени, когда религиозный конфликт начал перерастать в военно-политический кризис. Автор подводит читателя к выводу, что богемский кризис не стал изолированным явлением, а скорее в силу ключевого положения Богемии во владениях австрийских Габсбургов и всех вышеперечисленных конфликтов в империи и за ее пределами, детонатором первой общеевропейской войны (с. 18–27, 28–33).

Характеризуя чешско-пфальцский период Тридцатилетней войны (1618–1623), который в нашей литературе нередко называется

² *Kampmann Chr. Reichsrebellion und kaiserliche Acht. Politische Starfjustiz im Dreißigjährigen Krieg und das Verfahren gegen Wallenstein 1634. Münster, 1993; idem. Arbiter und Friedensstiftung. Die Auseinandersetzung um den politischen Schiedsrichter im Europa der Frühen Neuzeit. Paderborn u.a., 2001.*

чешским, Кампманн справедливо подчеркивает, что его результаты вызвали опасения за свое будущее и усилили настроения против Католической лиги и имперских властей у протестантских чинов империи и способствовали дальнейшей эскалации войны (с. 49). Нижнесаксонско-датский период (1623–1630), называемый в нашей литературе датским и несколько иначе датируемый, рассматривается Кампманном в самом широком европейском контексте с учетом позиций не только датской короны, но и английского короля Якова I, северогерманских княжеств, Швеции и Франции, склонной со времени, когда Ришелье стал первым министром, к поддержке антигабсбургской коалиции. С другой стороны, немецкий историк считает, что нет серьезных оснований преувеличивать нарушения императором Фердинандом II имперской конституции и его стремление сделать выборную монархию наследственной, так как в своей политике он уже в это время во многом зависел от действий армии А. Валленштейна, сумевшего одержать победу над войсками Дании и ее союзников (с. 50–57, 61–67). Гораздо важнее в этом смысле были опасения имперских чинов, Франции и Швеции перед усилением позиций Габсбургов, что проявилось во время совещания курфюрстов в Регенсбурге в июле – октябре 1630 г. в поведении курфюрстов и французской дипломатии, а также в высадке шведской армии во главе с королем Густавом II Адольфом в июле того же года на севере Германии. Так что, заключает автор, несмотря на сохранение военного перевеса имперско-католического лагеря, начали проявляться симптомы кризиса императорской власти, что особенно стало заметным во время шведской войны 1630–1634 гг., которую в нашей литературе именуют шведским периодом 1630–1635 гг. (с. 67–69).

Следует заметить, что Кампманн, может быть, не без оснований делит Тридцатилетнюю войну, что давно принято в зарубежной литературе, на ряд локальных конфликтов, внешне кажущихся отдельными войнами, но образующими в совокупности грандиозный военно-политический и религиозный конфликт, в который были вовлечены практически все государства и политические силы Европы, включая Московское царство, что прекрасно показал Б.Ф. Поршнев. Это хорошо видно из названия пятой главы в книге Кампманна под названием “Европейская эскалация II: шведская война и шведская гегемония (1630–1634)”. Четко выжив гегемонизм прямого участия Швеции и непрямого участия Франции в войне в 1629–1631 гг., автор подчеркнул интересы шведской монархии в установлении господства Швеции на Балтике и ее опасения,

что укрепление позиций Габсбургов в империи помешает осуществлению планов Стокгольма (с. 70–78, 81–84, 88–89). В контексте политики Швеции и Франции, а также противоречий в католическом лагере рассмотрены и отношения императорского двора и Валленштейна. Битва при Нордлингене в 1634 г., в которой шведы потерпели поражение, рассматривается Кампманном во многом как поворотный пункт в позициях многих имперских чинов, ранее надевавшихся на установление мира в империи без участия Швеции, а теперь ставших ориентироваться на Францию. Это до предела обострило конфронтацию и подтолкнуло к пониманию того, что мир в империи вернуть без участия других европейских государств невозможно (с. 93–99, 101–102). Вступление Франции в войну, формально произошедшее в виде объявления ею войны Испании в мае 1635 г., фактически поставило точку в эскалации войны европейского масштаба и было непосредственным следствием поражения шведов под Нордлингом. Пражский мир 1635 г. между императором и имперскими чинами, как считает автор, только способствовал, в конечном счете, француско-шведскому сближению и заключению военно-политического договора между Францией и Швецией в марте 1638 г. (с. 103–104, 112–115, 123–127).

В главе “Европейская война в Германии: борьба за мирные переговоры (1638–1645)” автор обращает главное внимание на неразрывную связь конфессионально-политических конфликтов в Германии с политическими процессами за пределами империи, особенно с кризисом в Испании, в результате которого эта страна прекратила активных боевые действия. Особое место он уделяет предварительным переговорам о мире, начавшимся в Гамбурге в декабре 1641 г. между основными участниками Вестфальских переговоров в будущем, обратив также внимание на Кёльнский конгресс 1636–1640 гг. и Регенсбургский рейхстаг 1641 г. Гамбургские мирные переговоры он называет “компромиссом без решения”, так как обе стороны надеялись на изменение военной ситуации в их пользу, хотя и было уже очевидно, что преимущество в силах всё больше переходит к Франции и Швеции (с. 128–135, 138, 142, 150–151).

Большое внимание в книге уделено начавшимся в 1643 г. Вестфальским переговорам (точная дата открытия Вестфальского конгресса, впрочем, не определена) и инициативам дипломатов обеих сторон, которые имели место в тесной связи с ходом военных операций, от исхода которых нередко зависело течение переговоров. В главе, посвященной ходу переговоров, сами дипломатические

инициативы и колебания правительств рассмотрены достаточно подробно с каждой стороны, что позволило автору создать их ясную и точную картину с акцентированием политической ситуации на Вестфальском конгрессе и выводом о решающей роли политических факторов в заключении Вестфальского мира. В частности, он отмечает особую роль “третьей партии”, т.е. группы влиятельных князей во главе с Иоганном Филиппом фон Шёнборном, будущим курфюрстом Майнцским и имперским эрцканцлером, не представлявших интересы императора и стремившихся объединить имперские верхи с целью заключения мира между империей и Францией (с. 152–158, 162–163, 166–170).

В заключительных разделах книги Кампманн подчеркивает, что Вестфальский мир 1648 г. не просто установил конкретную конституционную структуру империи, но и оказал значительное воздействие на будущие формы европейской политики, а именно на формирование Вестфальской системы европейских международных отношений. Автор также отмечает, что Вестфальский мир окончательно превращал Старую империю в чисто оборонительный союз, император мог быть главой имперского союза только в том случае,

если он опирался на принципы Вестфальского мира. Этот мир означал также окончание религиозных войн в империи, хотя, заметим, элементы конфессионального характера звучали в Семилетней войне 1756–1763 гг., войне за баварское наследство 1778–1779 гг. и в создании Княжеского союза 1785 г. Далее Кампманн рассуждает о том, что те, кто заключал Вестфальский мир, замыслили его как “почетный и вечный”, как систему сдержек и противовесов, что делает его актуальным и в наше время в смысле урока, как надо было стремиться к быстрейшему окончанию самой тяжелой войны вплоть до XX в. (с. 171–179, 182–187).

Книга Кампманна, безусловно, еще больше выиграла бы, если бы в ней содержались более обстоятельные характеристики основных деятелей Тридцатилетней войны и она была бы снабжена иллюстрациями, но и в таком виде она вполне убедительно показывает европейский характер Тридцатилетней войны.

Ю.Е. Ивонин,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории
Смоленского государственного
университета